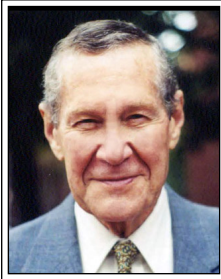
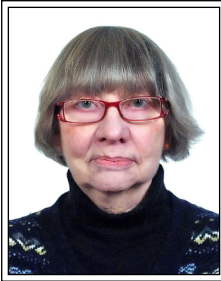

ГРАНИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

Ирвинг СИНГЕР (1925–2015)

профессор философии. Массачусетский технологический институт. 77 Massachusetts Avenue, Cambridge, MA 02139–4307

Валентина КУЛАГИНА-ЯРЦЕВА
(перевод)

научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: yartseva@tochka.ru

Наталья КРОТОВСКАЯ
(перевод)

научный сотрудник сектора истории антропологических учений. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: krotovskaya.nata@yandex.ru

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ: ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ИТОГ

Irving Singer. Philosophy of Love: A Partial Summing-Up. MIT Press, 2011. 144 p. (выборочный перевод)

Ирвинг Сингер (1925–2015) – американский профессор философии, преподававший в Массачусетском технологическом институте в течение 55 лет и написавший более 20 книг. Его книги посвящены различным темам, включая кино,

любовь, сексуальность, философию Джорджа Сантаяны. Он также анализировал работу таких кинорежиссеров, как Ингмар Бергман, Альфред Хичкок и Орсон Уэллс. Философские работы начал публиковать в 1951 г. Некоторое время преподавал в Гарварде, Корнелльском университете, Мичиганском университете и университете Джона Хопкинса. Работы Сингера переведены на многие языки.

«Философия любви: промежуточный итог» – это далеко не первая книга Сингера, посвящённая исследованию различных аспектов любви. В ней автор рассматривает с разных сторон греческую концепцию эроса и христианское понятие любви-агапэ, противопоставляя их, а также пытаясь их «синтезировать».

И. Сингер анализирует взгляды Платона, пишет о куртуазной любви, оценивает взгляды З. Фрейда и вступает с ним в полемику, так как последний, по мнению автора, ошибочно полагает основой любви завышенную оценку объекта страсти и потому считает любовь иллюзией и отчасти самообманом.

Излагая взгляды Ф. Ницше, Сингер касается оценки любви экзистенциалистами, в частности Ж.-П. Сартром. Себя автор осознаёт как продолжателя мысли американских философов-прагматиков, таких как У. Джеймс и Дж. Дьюи, и «неоплатоника» Дж. Сантаяны.

Далее автор прослеживает связь между любовью и творчеством. Речь идёт о роли творчества в нашем опыте. Это центральная проблема для традиционной мысли о любви, будь то любовь к Богу, христианская агапэ или любая другая форма человеческой любви. Сингер трактует любовь-дар как всепроникающий, творящий образы компонент человеческой способности к творчеству.

В будущем И. Сингер видит философию любви как объединение естествознания с гуманитарными науками. В рамках нынешней действительности обязательно должны возникнуть новые формы искусства и новые ветви науки, которые смогут разобраться со множеством нерешённых проблем в этой области.

Ключевые слова: любовь, эрос, агапэ, «умиротворение», слияние, дуализм, куртуазная любовь, романтическая любовь, плюрализм, творчество

Введение

Эта книга названа промежуточным итогом по нескольким причинам. Она написана как выражение моего личного преимущественного интереса к философии любви. Здесь, как и в других моих работах на эту тему, выбор обсуждаемых философов отражает моё личное понимание их значимости, а также мою индивидуальную оценку их утверждений. Хотя я стараюсь быть аккуратным и в своих оценках, и в описаниях, на полную объективность я не претендую. Пусть иногда я и смотрю на историю предмета так, будто она «подводит» его ко мне, я не считаю, что я или кто-либо ещё может быть её конечным пунктом.

Предлагаемый труд лишь воплощает то, что я, будучи современным философом, узнал, изучая других авторов в этой области и пытаюсь продвинуться чуть дальше.

Представленная работа подводит итог дважды. Во-первых, потому что это выборочное и сокращённое изложение используемой мной умозрительной панорамы, которой я уже посвятил много печатных страниц. Возможно, некоторых читателей разочарует отсутствие полемики в этой книге, но их можно успокоить тем, что более тщательный и широкий разбор этих проблем приводится в других моих работах. Кое-где я упоминаю их названия и содержание, но я не собираюсь повторять то, что уже высказывал в предыдущих текстах.

Во-вторых, это промежуточный итог потому, что я не считаю философию предметом, в котором возможен окончательный результат или исчерпывающее решение различных поставленных ею вопросов. А значит, подведение итогов никак не исключает постоянных дополнений, приносящих больше достойных внимания плодов. Глядя на достигнутое, я вижу лишь нить приближений и переосмыслений, не дающих повода считать, что я приблизился к всеобъемлющему заключению или отдалился от него. Я не считаю, что любовь или жизнь, раз на то пошло, допускает конечность.

Этот текст намеренно написан в более свободной и менее поучительной манере, чем другие мои тексты на эту тему. Я хотел предложить общий обзор, который читатели без специального интереса способны воспринять и, возможно, с удовольствием. Именно поэтому я не пользуюсь сносками, а отсылки к замечаниям других писателей обычно воспроизводятся в моём пересказе, а не цитируются дословно.

Материалом для этого труда послужила серия интервью, которые я давал на радио. Они зачастую больше походили на монолог, чем на разговор. То, что я теперь представляю в письменном виде, обязано своей разговорностью непринуждённой обстановке этих обсуждений. Зачастую свободный формат позволял выявить идеи, которые до того мне не удавалось сформулировать. В результате в этой порой аморфной книге есть как новые, так и старые мысли, представленные в виде, приятном для одних и не удовлетворяющем других. В конце рукописи я предлагаю провести исследования, подразумевающие взаимодействие биологии и различных гуманитарных наук, но я только походя говорю о том, что может в результате обнаружиться. Особенно это касается женских исследований, где сейчас намечается очень многообещающая работа. Я оставляю эти области более компетентным, чем я, исследователям, но всё же надеюсь, что мои рассуждения сколько-то поспособствуют их практическим и, надо думать, впечатляющим открытиям.

Наконец ещё пара слов: я хочу поместить эту книгу в контекст моих собственных многолетних размышлений, которые ей предшествовали. Как я ещё скажу позже, я начал разрабатывать философию любви в то время, когда ни один уважаемый философ англо-саксонского мира не

рассматривал её как предмет, достойный профессионального или вообще какого-либо внимания. Работая в этой области, я оказался отрезан от общепринятого в Америке философского анализа. Но так как я был воспитан в ключе аналитической философии, я, естественно (и наивно), полагал, что напишу книгу, где систематично рассмотрю и детально проработаю все составляющие и проблематику, окружающие повседневное употребление слова «любовь». Как это бывает почти во всех моих интеллектуальных начинаниях, мной двигали тревоги, недоразумения и неразрешённые противоречия, присущие мне самому как человеку, а не только как мыслителю. Как тогда, так и теперь, пустые абстракции мало значили для меня, и я чувствовал, что могу преодолеть трудности в моей эмоциональной жизни тщательным, пусть и трудоёмким, анализом того, что важно для всех.

Правда, предприняв эту попытку, я обнаружил, что написанные главы совершенно бездарны и бесполезны. В отчаянии я решил, что приступить ко второй попытке мне может помочь история идей в философии и искусстве. Я раскопал целые горы рассуждений и эстетических трудов, которые простирались далеко за пределы того, что меня учили считать истинно философским. В результате вышла трилогия «Природа любви», в которой я попытался понять исторический ход мысли и вдохновения в рамках заданных мной разграничений, которые являются плодом моего аналитического таланта, если таковой имеется.

К тому времени как я закончил трилогию, я начал понимать, что разработанные мной концепции слишком поверхностны, узки и незавершённые. Я осознал, что для понимания любви и связанных с ней состояний нужно углубиться в проблемы смысла жизни в целом, а также в общие проблемы создания человеком ценностей. Спустя ещё девять лет это понимание привело к моей второй трилогии «Смысл в жизни». Она вся косвенно касается природы любви, а её вторая часть с подзаголовком «В поисках любви» построена как более или менее неисторичное рассмотрение вопросов любви, к которым я не мог подступить раньше.

Но ещё оставались нетронутыми проблемы отношений любви и воображения, идеализации, завершённости и эстетики. Последние несколько лет я боролся с ними в своих книгах, в частности «Чувство и воображение: пульсирующий поток нашей жизни» и «Исследования любви и секса», которые естественным образом вышли из предшествующих изысканий о природе любви. В некотором роде то же верно касательно моих недавних приключений в области философии и феноменологии кино, а также моих нынешних работ о природе творчества.

Итог, который вы собираетесь прочесть, рассматривает всю траекторию. Его можно считать *apologia pro mente sua* [моей апологией], а также иллюстрированной миниатюрой моей жизни в качестве мыслителя или же потенциального философа.

Романтическая любовь – недавняя идея?

Когда я начинал свою трилогию «Природа любви», многие учёные считали, что концепция любви как романтического, сексуального или межличностного феномена имеет очень недавнее происхождение – примерно последние два столетия. Я чувствовал, что такой взгляд не даёт ясного представления об истории идей касательно этого или любого другого типа любви. В каком-то смысле верно, что наше сегодняшнее представление о романтической любви можно считать относительно новым. Тем не менее общепринятая концепция такой любви отнюдь не совершенна. То, что мы называем романтической любовью, принадлежит к интеллектуальному образованию, которое развивается с началом романтизма в Новое время. В этих рамках соответствующий концепт по праву обозначается как «романтическая» любовь и по праву соотносится с течением романтизма. Он появляется в конце XVIII века и приходит к расцвету в начале XIX. Но даже в то время мало кто осознавал, насколько традиционно, хотя в то же время и ново, это представление: оно уходит корнем в эволюционный процесс, в котором теории любви существовали на протяжении двух тысячелетий.

Мне, как и любому, кто занялся бы подобным исследованием, было очевидно, что многие элементы романтической идеи XIX века восходят к источникам в древнегреческой философии и литературе, в эллинистических баснях, в зарождающемся христианстве, в реакции против христианства в эпоху Возрождения и, наконец, в разнообразных представлениях XVII и начала XVIII века. Эту последовательность нельзя разделить на два периода, где первый предшествует всяким идеям о романтической любви, а второй сводится к сосредоточенным на этой идее размышлениям последних двух столетий. Таким образом, утверждение, что романтическая любовь – это изобретение последнего периода, едва ли ценно и, судя по всему, ошибочно.

И всё же в этом движении последних веков явно произошло что-то важное и очень необычное, и мы до сих пор живём в его продолжающемся развитии. Это движение прошло несколько фаз, некоторым из них я посвятил сотни страниц. Например, вторая часть «Природы любви» называется «Куртуазное и романтическое». Когда я дохожу до романтической любви XIX века, я различаю тип оптимистического романтизма, то, что я называю положительным романтизмом, и противоположный тип, очень развитый около 1850 года, который я обозначил как романтический пессимизм. Ранее этим двум формам идеологии можно найти предзнаменования в пьесах Шекспира. Он всячески критикует то, что сегодня мы называем «куртуазной любовью», которая процветала в Средние века почти пять столетий. В качестве противоположных куртуазной любви Шекспир разрабатывает концепции, которые в конце

концов в XIX веке стали взглядами на любовь романтизма, как положительного, так и пессимистичного. Шекспир сыграл немаловажную роль для их формулирования.

Пока я писал второй том трилогии – длинную книгу почти в 500 страниц, – я не думал заранее, куда помещу Шекспира. Но когда главы были дописаны, я обнаружил, что он, оказывается, попадает ровно в середину. По сути, Шекспир – ключевая фигура. Будучи мыслителем, чья ментальность выходит из куртуазной любви и выступает против неё, он предвосхищает, пусть не вполне явно, то, что позже станет романтическим отношением к средневековой философии любви. Как и во многих других случаях, Шекспир представляет собой очень редкий тип гения, из тех, чей художественный талант становится первородной силой в истории западного мышления. Хотя романтики XIX века считали Шекспира своим, его нельзя назвать абсолютным приверженцем романтизма. Не будучи философом или теоретиком романтизма, Шекспир тем не менее предшествует истинным романтикам.

В качестве иллюстрации возьмём пьесу «Много шума из ничего», по которой Кеннет Брана снял известный фильм. Она строится вокруг двух типов любви. Один тип – это отношения Клаудио и Геро, молодого человека и девушки, которые очень мало понимают себя и друг друга и чьи куртуазные отношения строятся лишь на осознании, что они влюблены друг в друга. Хотя они уверены в том, что любят друг друга, Шекспир опровергает истинность их чувств. Он показывает, как Клаудио ложно обвиняет Геро в измене, в то время как и сам он неверен, так как вместо того, чтобы справиться с трудностями в его отношениях с этой женщиной, он немедленно проклинает и унижает ее. Поэтому их связь оказывается эмоционально неустойчивой. Вторые отношения – это воинственная, но в конце концов любовная связь Бенедикта и Беатриче. Они всё больше проникаются друг к другу доверием, которое возникает типично романтическим образом. Романтизм часто предполагает изначальную враждебность мужского и женского. Согласно романтической традиции, это глубоко укоренившаяся тенденция, проистекающая из факта, что два пола, будучи по-разному запрограммированы, видят мир по-разному. В результате каждый заведомо относится к противоположному полу с подозрением и состоит с ним в постоянной вражде.

Такой взгляд можно поддержать недавними исследованиями, которые биологи проводили, например, с серебристыми чайками в период спаривания, когда самка одна прилетает на отдельный островок. Она помечает территорию и ждёт прибытия самцов. Но стоит одному из них зайти на её территорию, как самка его атакует. Только после этапа, который биологи называют «умиротворение», они находят взаимопонимание и самка осознаёт, что именно самца ей не хватало для репродуктивных целей. Она пускает его на территорию, и они становятся любовной парой. Так вот, нечто подобное в представлении романтизма происхо-

дит с людьми, и именно это происходит с Беатриче и Бенедиктом. Они заклятые враги и поначалу друг друга высмеивают, но затем, благодаря повороту в сюжете, искусственно, но прекрасно обставленному Шекспиром, они преодолевают свою первоначальную враждебность.

После этого двое, теперь ставшие одним, могут помочь своим друзьям – куртуазным любовникам, которые сами не справляются со своими отношениями – и, помогая друзьям, пара сама становится крепче. Беатриче и Бенедикт действуют заодно в дружеском, совершенно полноценном союзе. Хотя они и подшучивают над своей первоначальной взаимной неприязнью, они испытывают настоящую любовь. Обе пары женятся, но мы можем предположить, что Беатриче и Бенедикт с гораздо большей вероятностью преуспеют в браке, чем вторая пара. Только прошедшие «войну» понимают друг друга, и, вначале пережив враждебность, они уже способны достичь полного единения. Для них присущее людям разного пола взаимное презрение успешно преодолено.

Несмотря на все стычки, ссоры и невзгоды, неизбежные в браке, мы понимаем, что Беатриче и Бенедикт действительно могут жить долго и счастливо. А вот насчёт второй пары – Геро и её молодого человека – мы не можем быть так уверены. Это противопоставление куртуазной и романтической любви показано у Шекспира, пожалуй, лучше, чем у кого-либо ещё. И по большей части основные элементы его взглядов, прорабатывавшиеся на протяжении трёх столетий, перешли в то, что и сегодня сохраняется как пережитки романтической любви. Принятое мнение, будто истинная любовь в представлении XIX века совершенно безмятежна, неверно.

Даже в положительную фазу романтизма понимали, как сложно достичь настоящего единства, и это не принимая в расчёт внешнее вмешательство общественных ожиданий от брака и ухаживаний и, конечно, родительский контроль. Было понятно, что мужчины и женщины значительно отличаются друг от друга и даже во многих отношениях несовместимы. Но надежда или мечта, что эти трудности преодолимы, сохранялась. Именно этот типично романтический взгляд изобразил Шекспир. И именно поэтому я считаю его ключевой фигурой. Как бы то ни было, он лишь один из многих, кто выстраивал идеи о человеке в поиске любви, которые развивались в последние два тысячелетия и даже дальше.

Платон

В качестве исходной точки своего исторического исследования я беру Платона. Я всегда считал, что это величайший из когда-либо живших философов. Он отец философии, если не учитывать Сократа, не написавшего ни строчки. И Платон, безусловно, кладёт начало великим по-

искал в философии любви западного мира. Но Платон – очень многогранный философ. Например, взять андрогинные пары, описанные им в «Пире», одном из диалогов среднего периода. В этом произведении соответствующий миф рассказывает не сам Платон, а Аристофан. Больше того, «Пир» – это только одно из произведений, написанных Платоном в этот период, и некоторые из них сильно от него отличаются.

Самое главное в описанном Платоном рассказе Аристофана касательно гермафродитов – это то, что после того, как боги рассекли их, появилось три типа существ. Изначально был только один тип, но, когда боги разделили каждого гермафродита на две половины (потому что они слишком много о себе возомнили), результатом стали три типа воссоединения, к которому эти существа стали стремиться. Один из них – связь ищущих друг друга мужчины и женщины. Кроме этого, возникает ещё взаимная склонность двух женщин, образующая лесбийскую пару, и, наконец, стремление к единению двух мужчин. Другими словами, у Платона уже можно предположить сомнения насчёт однополых связей в противоположность двуполым, которые продолжают существовать и в современных спорах о браке в Америке и других странах.

Аристофан говорит, что из трёх возможных лучший вариант – это два мужчины. Афины были патриархальным обществом, а небольшая группа, к которой принадлежал Платон, была по большей части гомосексуальна – своего рода гомосексуальное ядро афинского и греческого общества. Не все греческие государства были так терпимы к гомосексуальности, как Афины, да и в афинском обществе она точно не была повсеместна. Так что те, кто считают, что в Афинах все были гомосексуалистами, совсем не правы. Но в молодости Платон действительно, скорее всего, принадлежал к той или иной гомосексуальной группе. Если некоторые члены таких групп могли быть просто менторами или друзьями, то другие вступали в открытые сексуальные отношения.

И тем не менее поздний Платон занимает совсем иную точку зрения. Когда приходишь до «Законов», важнейшей книги, написанной Платоном ближе к концу его жизни, когда ему уже было почти восемьдесят, оказывается, что он осуждает гомосексуализм. Он говорит, что единственный тип семьи, который должно поддерживать государство, – это биологическая единица, брак между «одним мужчиной и одной женщиной». Платона даже можно цитировать для поддержки конституционной поправки о природе брака, которую хотят внести в Соединённых Штатах. Соответственно, последние идеи Платона мало походили на то, что он говорил в «Пире», «Федре» или других диалогах. Наконец, в «Государстве», может быть, величайшей книге, когда-либо написанной в западной философии, – уж точно одной из немногих великих книг – взгляд Платона на пол и любовь превосходит по глубине всё, что он говорит в «Пире», в «Федре» и даже в «Законах». В «Государстве» он утверждает, что мы все созданы для поиска блага. И когда мы влюблены, тело ис-

пользуется в этом поиске как инструмент инстинктивных репродуктивных сил. Фрейд назвал бы их либидинальным стремлением к гетеросексуальной любви, к совокуплению. По мнению Платона, всё это хорошо и естественно, но не в этом конечная цель человечества. Самое важное – преодолеть императив тела в поиске блага, и это единственный путь, каким люди могут наполнить своё духовное бытие и найти ценность и истинную красоту в жизни.

Как совершить этот переход от сексуальных импульсов юного существа к другим, более возвышенным интересам? Платон отвечает: пустившись в похвальные предприятия – искусство и понимание эстетически прекрасного, создание достойного общества, поиск научных истин и другие открывающие иную реальность способы познания, которые не сводятся просто к сексу. Правильной реакцией на сексуальный инстинкт Платон считает разнообразие связей. Пусть секса будет столько, сколько хочется, так рано, как захочется, с тем, кого вы выберете, неважно, кто это и какого пола. Вы обнаружите, что отдельные объекты вашей сексуальной активности все одинаковы. Полностью испробовав секс, вы затем его перерастёте, – предсказывает Платон.

В юности моего старшего брата бесило, что он любит гамбургеры. Он излечился от этого, объевшись однажды так, что аппетит пропал. После этого ему уже никогда не хотелось гамбургеров так, как раньше, потому что он сам себя закормил ими до тошноты. То же Платон советует насчёт секса – насытиться им настолько, насколько позволяет общество, в раннем возрасте. Это очень напоминает отношение, которое встретил антрополог Бронислав Малиновский на островах Тихого океана в начале XX века. По его наблюдениям, молодёжь там могла делать все что угодно, и родителям было всё равно. Это просто секс. Ему не придавали особого значения. Идея Платона заключается в том, что стоит очиститься от фанатичной одержимости, спровоцированной гормональными инстинктами, которые кипят в человеке в период созревания, чтобы подготовить его к репродуктивным надобностям вида – стоит получить столько, сколько возможно, и потребность в сексе перестанет быть движущей силой, и уж точно не будет главной мотивацией.

Вместо этого можно начать думать о любви и даже влюбиться в кого-то. Но тут, как утверждает Платон, можно в результате выйти за границы личной привязанности – межличностной романтической любви, – и это освобождение положит начало пути образования, воспитания, который позволит понять благо, фундаментальное для вселенной – то, что в христианстве станет важнейшим качеством Бога. Благо – это высшая форма бытия в христианстве: по самой своей божественной природе Бог совершенно благ, совершенно прекрасен и является высшим совершенным источником реальности. Всё это в христианстве прямо или косвенно восходит к Платону.

Но заметьте, как значительно отличается подразумеваемая тут любовь от того, что первоначально естественно. Можно прийти к духовной любви, религиозной любви, любви к Богу, что бы под этим ни понималось, и она будет очень далека от биологического начала. Попутно может возникать любовь философа к истине, любовь учёного к практическим и теоретическим изысканиям, любовь к народу, любовь к стране, к нации, та, что заставляет посвящать себя созданию законов, справедливых и равных для всех в государстве. Есть ещё любовь воина, которую он доказывает, верно служа своей стране и, возможно, умирая за неё. Всё это выходит за рамки секса, но в то же время остаётся частью той же цепи, раз секс тоже понимается как плод нашего поиска блага и красоты – основания для любого рода любви, на какую способен человек.

На мой взгляд, во всей западной культуре нет более плодотворного и мощного творения мысли о любви, чем это учение Платона. Из него вышло не только христианство, но и реакция против христианства, наряду с разнообразными неоплатоническими и антиплатоническими взглядами, представленными такими философами, как Аристотель, который рассматривал эти идеи как ученик Платона, но относился к ним по-другому. Платонизм – это исключительный этап в деятельности человеческого разума, который следует изучать каждому образованному человеку. Его стоит изучать бесконечно.

За пределами идеализма

Прав я или нет в этом мнении, но нельзя отрицать, что история – история идей в данном случае – не развивается линейно. Изменения идей напоминают колебания на бирже. Они двигаются в одном направлении, а затем возникает противоположная реакция. Величие Гегеля заключается в его чувствительности к этой диалектике идей. На деле он использовал её как способ понимания реальности в целом. В этом я с ним не согласен, не больше, чем согласен с Платоном, но всё же я считаю, что представление о диалектичном колебании помогает нам понять, как с ходом времени появляются школы мысли среди антиплатоников, которые описывают любовь иначе, в то же время отзываясь на то, что о ней говорили Платон и его последователи.

Именно в этом контексте следует рассматривать труды Дэвида Юма. Он не верил в метафизику того типа, что предлагал Платон. И он не был романтиком. Он был преромантиком-эмпириком. Современный экзистенциалист или гуманист-прагматик и плюралист, вроде меня, тоже рассматривает всё с эмпирической точки зрения, не укладывающейся в учение Платона, и тем не менее, особенно в моем случае, может оценить соблазнительность его хода мысли. Для Юма и его последователей нижняя ступень лестницы в учении Платона, та, что сосредоточена на мире

опыта и материальности, который мы все населяем, вполне заслуживает отдельного философского осмысления. Вместо того чтобы думать о траектории Платона – вертикальной концепции восхождения к трансцендентальным высотам за пределами и выше того, что естественно, мы предпочитаем более горизонтальную точку зрения. Она в свою очередь позволяет нам понимать любовь во всём её разнообразии в рамках самой природы, в рамках естественного.

Для меня это очень важно, потому что я считаю, что люди и их базовые отношения, такие как любовь, неизбежно множественны. Я убеждён, что изучение различных сторон нашего существования на эмпирическом опыте, близком фактичности природы, – это, вероятно, лучшее, на что мы можем рассчитывать. Я не платоник потому, что Платон предполагает, будто во вселенной есть один ответ, что он знает его и что этот ответ подразумевает идеалистический анализ, который он, Платон, проповедует. Я наследую своё мировоззрение у таких мыслителей, как Юм, Джон Стюарт Милль и Джон Дьюи, и вообще у современных эмпириков и потому считаю, что, вместо того чтобы искать единственный ответ, тем более такого трансцендентального типа, как ищет Платон, нужно, осознавая многообразие нашей вовлечённости в природу, задаваться вопросами о реальности и её ценностях.

Таков общий характер моих работ. Как-то Людвиг Витгенштейна, великого философа XX века, спросили, чем он зарабатывает на жизнь, и он ответил: «Я провожу аналогии». Вообще-то он действительно именно этим и занимался. Он проявил недюжинное понимание собственного таланта. В том же ключе я бы сказал, что я нахожу различия. И чем больше различий я нахожу, тем многостороннее моё видение природы любви. Я не предлагаю никакой приоритетной или всеобъемлющей теории. К ним я отношусь с подозрением. Не думаю, что такие универсальные термины, как любовь, счастье, смысл жизни, смысл в жизни, секс, красота и прочие, могут иметь одно определение. Эти явления так значительны для человеческой сущности, и то же можно сказать о самой человеческой сущности, что сведение их к единому, неизменному, включающему всё определению, какое искал Платон, неоправданно. Мы можем только разъяснять их, делая наш анализ все тоньше и точнее, и продолжать исследовать новые, хотя, возможно, и последовательные различия. Только тогда мы можем соотносить и сопоставлять свои идеи, не прибегая к единому принципу, который всё сводит к самому себе. Всегда найдутся реальности и опыт, не вписывающиеся в заданные рамки.

Концепции трансцендентности и слияния

Хотя из всех западных философов у Платона был самый мощный совокупный эффект, его принцип философствования в конце XIX века отверг Ницше, причём его отрицание представляется мне очень показательным. Отрицая способ мышления Платона, Ницше также клеймит Сократа, называя его «архетипом интеллектуала». Он нападает на Сократа в «Рождении трагедии из духа музыки». Ницше считал, что греческая трагедия стала вырождаться после того, как интеллектуал, представленный Сократом, стал во главе культуры. Я считаю это заблуждением и критикую Ницше в книге «Чувство и воображение». Но его отрицание Платона, на мой взгляд, вдохновляет. Он не оценил надлежащим образом значимость Сократа, тогда как я счастливо полагаю себя в целом сократическим философом.

Сократ говорил, что все мы знаем, что такое реальность. Мы все точно знаем, что означают разные глубокие концепции, но наши соображения спутаны. Задача философа заключается в том, чтобы помочь нам прояснить мысли. Это я и пытаюсь сделать. Но в процессе мы должны отказаться от идеи, что возможно окончательное решение «проблемы человека». Нечто подобное может существовать в математике – если не дать правильный ответ, то не получишь верную сумму, когда два плюс два равно – но жизнь не похожа на математическую задачу. И, следовательно, не стоит искать единственное решение природы любви или ожидать, что окажется, например, что современность оторвана (или не оторвана) от великой сферы бытия, которую различали, по их мнению, Платон и средневековое христианство. Вместо того чтобы делать подобные предположения, мы должны понять и оценить то, что происходило именно в мире поиска человеком того или иного решения. Только определив содержание этих поисков, мы можем высказывать жизнеспособные идеи о том или ином аспекте нашей реальности – а в этом, кстати, и заключается наше главное свойство вечно ищущих существ.

С этой целью я рассматриваю две важные темы в философии Платона, которые в дальнейшем окажут огромное действие на все мировоззрения: представление о трансцендентности и слиянии. Я противник и того, и другого. Я считаю, что любовь нельзя объяснить в терминах перехода в высшую реальность. Мы – результат многообразных сил, действующих на этой планете. К этому сводится любовь, и её нельзя объяснить обращением к метафизической области, лежащей за гранью наших земных условий. Я также считаю, что, когда речь идёт о любви, мы на самом деле заинтересованы отнюдь не в слиянии какого бы то ни было свойства. В целом я – противник всеобщей веры в слияние. Оно не входит в человеческие возможности, и вообще-то это очень опасная идея.

Не говоря уже о том, что слияние невозможно. Каждый день оно происходит в соли – в соединении натрия и хлора. Оно происходит, когда стекаются и превращаются в поток ручейки. В обоих случаях, когда доходит до интерпретации, невозможно различить составляющие. Они слились. Мы часто используем это слово, и в данном случае вполне естественно его употребить. Также в музыке бывает, что ноты сливаются и создают новые интересные комбинации. Если сыграть аккорд на пианино, происходит слияние в звуке. Но я не согласен с тем, что это верно и в отношении того, что подразумевается под человеком, под тем, что значит быть живым существом, как мы. Будучи людьми, мы, в нашем желании любить, существуем скорее как отдельные личности, а не наподобие ручейков. Наши индивидуальности не сливаются – мы не можем слиться. В лучшем случае мы думаем, что сливаемся, и потому начинаем подделывать ингредиенты в реальности наших отношений.

В результате этого желания слиться – а некоторые люди находят это чувство очень привлекательным – мужчины и женщины переиначивают себя в том или ином отношении. Одно это уже подтверждает сомнение, будто любовь действительно может быть слиянием. Существует своего рода романтизм, который обуславливает присущий всем голод по какому-нибудь слиянию. Не отрицая, что такое стремление встречается часто, я не вижу оснований полагать, что оно характерно для любой романтической склонности, и уверен, что оно не исполняется ни в одном реальном примере любви. В истории философии можно найти более подходящие описания. Они касаются другого рода отношений, как правило, аристотелевских, а не платонических. В их основе лежат представления о людях, взаимопроникающих друг в друга, состоящих в межличностной связи, в дружеских отношениях, разделяющих друг с другом самих себя, – о людях, нашедших кого-то существенно отличного от себя, кому не покоряются и не подчиняют себя слепо, чего бы этот другой ни хотел и чем бы он ни был.

В таких обстоятельствах оба осознают, что они, бесспорно, не являются одним целым. Но из этого осознания несхожести и из взаимного приятия её может родиться чувство единства. Что-то подобное применимо к концепции «Соединённых Штатов» или «Объединённых Наций». Это великие идеи, возникшие в конце XVIII века по описанным мной сценариям. Дело не в том, что все люди в каждом штате и в каждой нации становятся идентичны, потому что все они слились по некоей идеальной схеме слияния. Скорее дело в признании существующей на самом деле несхожести в зависимости от региона, истории и особенностей государственного строя, к которому принадлежат люди, в то же время объединённые в других важнейших аспектах. На мой взгляд, на это однозначно больше всего похожа любовь. В странах, где всех заставляют сливаться в одно, особенно в тоталитарных странах, народ пытается жить по образу единства, что сравнимо с пониманием любви

как слияния. Я считаю, что тоталитарные страны находятся на низшей ступени, а соответствующие философии чувства ошибаются в отношении природы любви.

Представление о слиянии особенно распространилось в начале XIX века. Когда говорят, что романтическая любовь – недавнее явление, это происходит потому, что слияние стало особенно значимо в то время. Теоретики романтизма рассматривали слияние как центральную идею в их концепции любви. Это учение возникает и из других взглядов в истории идей. Средневековое христианство было постоянно расколото спором о слиянии. Прославленных мыслителей сжигали на кострах за то, что они считали, будто мужчина или женщина может слиться с Богом. В исламе тоже был великий философ, которого казнили за то, что он сказал: «Я Бог». Он не имел в виду, что он – часть личности высшего существа. Он имел в виду, что он слился с Богом, добившись полного единения, что он с Богом един. В буквальном понимании эта идея – ересь как для ислама, так и для христианства. В иудаизме она также вызвала бы проблемы, если бы не была так далека от соответствующей иудейской концепции любви к богу как к отдельному и неповторимому существу. А так как католицизм восходит к Платону, в нём это представление было причиной постоянных сомнений.

В католическом богословии считается, что Бог находится в мире. Учёные и отцы церкви расходились во мнении, как такое возможно. Одни говорили, что Бог в мире потому, что он присутствует во всей природе. Но это получается похоже на пантеизм, будто Бог – это то же, что и природа, что он неотделим от неё. Христианство не терпит такого подхода, так как он противоречит основному положению, что бытие Бога надмирно. Бог по определению считался выше природы, а природа в свою очередь считалась нечистой, несовершенной и, возможно, порочной. Тело противопоставлялось душе, а значит, Бог не мог буквально присутствовать в материальном мире. Он принадлежит к духовной области, к которой мы, смертные, можем только стремиться. Если нам повезло обладать божественной благодатью или усовершенствовать себя добрыми делами, мы можем в конце концов быть допущены в божественные сферы. Только такую центральную догму допускало христианство. И одновременно некоторые всё же считали, что Бог каким-то образом есть и в нас, и во всём мире как целом. Для церковных властей это породило огромную проблему, строящуюся вокруг вопроса слияния. Как к противоположности этого представления часто обращались к более умеренной идее «брака».

На протяжении всего Средневековья встречаются отсылки к брачному союзу человека с Богом, к сочетанию человека с Господом. Человеческая душа понималась как невеста, а Бог – как жених. Этой темой пронизана большая часть средневековой духовной поэзии. Оба существа соединяются, причём под этим подразумевается, что они не сливаются

в одно, а обручаются или даже брачуются. Они сообщаются и наконец взаимопроникают друг в друга, не теряя при этом своей самостоятельной сути. Смертный может таким образом достичь единства такого рода, которое пронизывает душу благодатью Бога, но при этом человек остаётся отдельным от божества. Это обычный разговор для Средневековья, и в этом же ключе я говорю об обручении. Его, в отличие от слияния, можно понять.

Если почитать поэзию Святой Терезы, зачастую можно подумать, что она очень даже верила в слияние или, по крайней мере, допускала его возможность. Но такой взгляд не традиционен, и даже теперь он не принимается буквально католической церковью. Как правило, такое отношение считается идолопоклонством, как и любовь к другому человеку того духовного свойства, какого заслуживает только Бог.

Сегодня к любви между мужчиной и женщиной, или между мужчинами и между женщинами, относятся так, как будто это и есть единственно возможная духовная любовь. Эту точку зрения открыто отстаивали романтики XIX века, и именно этой тенденции всегда боялась Церковь: если люди любят друг друга квазидуховной любовью, они вредят Богу и не исполняют его заповедь любить только Его. *И возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всю крепостию твоею.* Но этого не сделаешь, если будешь любить свою девушку или молодого человека с такой же силой. Следовательно, даже мысль об этом считалась ересью в Средние Века. Именно этот спор традиционного взгляда и еретического чувства к другому человеку, особенно если считаешь, что сливаешься с этим человеком и испытываешь чувства, которые, по словам Церкви, смертные должны испытывать только к Богу, породил средневековый куртуазный миф, отразившийся в легенде о Тристане и Изольде. Из-за любовного напитка эти двое любят друг друга с полной отдачей себя и с беззаветной верой в праведность слияния одного с другим. Этот миф особенно ясно проступает в опере Вагнера, которая написана в период романтизма, но предваряется сотнями схожих версий этой легенды в предшествующие века.

Церковь опасалась, что её миссии угрожает любое уподобление человеческой любви служению, которое должно приносить только божеству. Любовный напиток может восприниматься только как зло, ведущее к трагической развязке. Действительно, у многих народов в наше время любовь к Богу не так распространена, как стремление найти любовь в другом мужчине или женщине. Статистика, учитывающая, сколько людей ходят в церковь, показывает, что в США таких много, в Испании – очень мало, а во Франции и других европейских странах – почти нет. Сложно сказать, что происходит среди молодежи, пытается ли она освободиться от господства традиционной веры и найти в другом человеке нечто схожее с любовью к Богу. Но разочарованность в вере в

сверхъестественное определённо возросла. Больше того, в современном мире все знают, насколько несовершенны в реальных условиях все межличностные структуры и, следовательно, насколько трудно воплотить прежние идеалы любви. И даже если следовать установленным предписаниям, может ничего не получиться, потому что можно не знать, чего хочешь на самом деле. Человек испытывает тревогу, несчастье, разочаровывается в отдельных личностях и институциях, а следовать идеалистической идеологии всегда опасно, ведь она может подвести.

Касательно слияния, Ницше замечает в одном месте: *если бы боги существовали, как бы вынес я, что я не бог?* При всей своей шутовщине и иронии, Ницше затрагивает глубокую причину поиска слияния. Если верить в Бога совершенного, то человеку захочется не только прильнуть к Нему для защиты, утверждает Ницше, но и стать Им. Сартр очень далеко заводит эту мысль в «Бытие и ничто». Человек тщетен, говорит Сартр, потому что он хочет быть Богом, а Бога нет. Но за этой концепцией кроется вопрос, почему вообще возникает желание быть Богом, слиться с Богом. Потому, что у нас есть образ совершенного существа. Такое существо вероятно, и человеческое воображение, способное размышлять о такой возможности, – уже само по себе большое достижение, которое я никоим образом не хочу принизить. Как мы сами по себе хотим быть совершенными, так мы хотим слиться с чем-то идеальным. Мужчина или женщина могли бы, в принципе, достичь такого совершенства просто слиянием с ним.

Это один способ объяснить стремление к слиянию. Другой заключается в том, что мы все начинаемся со своего рода слияния. Оно совершается, когда сталкиваются сперматозоид и яйцеклетка. Они не просто жмут руки и говорят: давай жить вместе и выживать, как сможем, как в концовке «Кандида», мюзикла Леонарда Бернстайна: «В нас нет ни мудрости, ни благ, / стараемся, как можем. / Посадим сад, зажжём очаг / и новый дом заложим».

Это высшая цель, высшая любовь, на какую может рассчитывать Кандид после всех трудностей, через которые они прошли с Кунигундой. И всё же человеческая любовь не может зародиться только биологическими путями. При размножении сперматозоид входит в яйцеклетку и в мгновенном слиянии образуется зигота. Это такой же химический процесс, как возникновение соли из элементов. Но осуществление размножения – только прелюдия к истории человека. Одна из причин, почему я не считаю, что аборт аморален, – это возражения типа «Ах, вы убиваете человека». Так вот, зигота ещё не человек. А когда в развитии отдельного мужчины или женщины появляется личностное, мы выходим из области, где возможно слияние. Когда-то эта возможность была частью нас, как еда, которую мы едим всю жизнь, становится частью нас. Но как личности мы становимся чем-то большим и уже неспособны сливаться, как это делают клетки и молекулы.

Надежда на что-то в этом роде, вероятно, лежит в основе рассуждений, когда говорят или думают: «Вот бы вернуться к некоему первичному, биологически запрограммированному состоянию – это решило бы все мои любовные проблемы». Это то же самое, что и желание вернуться в утробу, а это уже идея Фрейда – он считал, что такое желание присуще любому мужчине. Интересно, почему он не говорил того же о женщинах – они тоже вышли из утробы. В любом случае все эти идеи о слиянии тренируют воображение и могут быть очень увлекательными, а эстетика их выражения на протяжении истории идей всегда меня занимала. Так что я не предлагаю вообще отказаться от мыслей о слиянии. Думать о нём – неотделимое свойство нашего творческого мышления, точно так же, как мысль о слиянии выходит из размышлений, которые обуславливают нашу изобретательность и способность к воображению. Но сама по себе эта концепция не соответствует нашей действительности и тому, чем мы сами являемся. Значит, природа любви должна разъясняться как-то иначе, ближе к реальности.

Куртуазная любовь и её последователи

Возвращаясь к греческой философии, нужно помнить, что её породил очень узкий слой общества и культуры. Дело не только в том, что эта философия была направлена на людей из высшего слоя общества, и не в том, что они были мужчинами, но и в том, что они жили в элитарном государстве, где у женщин было подчинённое положение. А ещё в Афинах было 400000 рабов, и они тоже не имели голоса – нам никак не узнать, какие у них были представления о любви. Повседневная жизнь была очень далека от демократических идеалов, которые косвенно из неё вытекали и которых придерживается сегодня большинство американцев. Греческие города-государства были не только сексистскими и классовыми, но и в высшей степени авторитарными. На мой взгляд, это очень занимательный феномен в истории человечества. Просто так случилось, что среди этих людей было много гениев или, по крайней мере, много выдающихся людей, у которых можно многому научиться. Но если говорить об их взглядах на любовь, они отражают отношение, очень далёкое от наших сегодняшних взглядов. Вместо того чтобы использовать их как модель, я бы поставил эти взгляды на верное историческое место.

С появлением куртуазной любви в Средние века всё стало меняться. Но до этого из иудаизма и греческой мысли вышло христианство. Когда я писал трилогию о любви, больше всего в то время мне нравилась глава, посвящённая агапэ, христианской идее дара Божественной любви. Это важнейшая идея в мировой истории. Мои собственные мысли о даре изначально выросли из прочтения книги епископа Нигрена «Агапэ и

Эрос». Мне показалось, что его концепция агапэ ошибочна, так как она одновременно утверждает две идеи: во-первых, что любовь происходит от Бога и, во-вторых, что она происходит исключительно от Бога. Я всегда считал, что любовь – это проекция того, что делают или постоянно пытаются делать люди, и только приняв реальность проекции такого рода, можно создать адекватную теорию человеческой любви. Иными словами, я хотел поставить христианскую идею с головы на ноги (если я прав). Но хотя я не согласен с тем, как она представлена у Нигрена и всё ещё принимается христианством, я считаю концепцию агапэ плодотворным явлением в области человеческих способностей понимать, что такое любовь.

Куртуазная любовь играет важную роль, потому что это была попытка гуманизировать христианскую мысль в Средние века. Эта попытка представляется мне очень значительной. Она основана на любви к природе не просто как к творению Бога, но как к чему-то, что достойно любви само по себе. Были христианские куртуазные мыслители и нехристианские. По большей части разница между ними заключается в том, как интерпретируются отношения между Богом и природой. Но идея гуманизации любви – вера в то, что любовь можно испытывать не только по отношению к Богу, но и по отношению к другому человеку, особенно человеку другого пола, причём испытывать великую любовь, – это представление о ценностях жизни следует понимать как развитие, далеко выходящее за пределы предшествующих способов мышления. Нельзя сказать, как говорят некоторые писатели, что идея романтической любви создана в Средние века. В эпоху эллинизма можно найти сопоставимые описания гетеросексуальной романтической любви. Важнее, что куртуазная любовь возникает после возникновения и распространения господства христианского учения. И потому она представляется механизмом переноса отношения к Богу, предписанного церковью, на человека. Это уже огромное достижение, результаты которого, с взлётами, падениями и сложной траекторией, наблюдаются на протяжении нескольких столетий, примерно с конца XII – начала XIII века и вплоть до времён Шекспира, до XVI и XVII столетия.

На протяжении этого периода любви между людьми придавалось всё большее общественное и политическое значение в соответствии с тем, что в это время происходило в истории идей. Как правило, творческие умы не работают в вакууме – они выходят из живой почвы и волей-неволей что-то ей отдают, в зависимости от того, что происходило до них и что происходит и приносит плоды в их время. Если и бывают таланты, отделённые от своих корней, то они не запоминаются – они ни на что не влияют. Но создатели куртуазной любви тесно соприкасались с современностью, и потому эта система взглядов существовала и процветала в эти несколько столетий. В современном мире от неё мало что осталось.

В то же время куртуазная любовь по-своему очень способствовала демократизации любви, с которой мы теперь хорошо знакомы. Для Средних веков это была демократизация в очень узком смысле. Если греческие философы считали, что любить способны избранные: философы, правители-философы – и только они, то в куртуазный период появилась тенденция включать сюда и других людей. Конечно, не простой люд, а феодалов, аристократов Средних веков, чья жизнь даже отдалённо не напоминала интеллектуальную жизнь Афин IV века до н. э. Этот сдвиг тем не менее задал направление, которое в конце концов привело к идее, согласно которой любить, и любить по-настоящему, способен практически любой. Этот сдвиг стал частью демократизации, которая на протяжении нескольких веков истории Запада затронула различные аспекты жизни.

Как я уже заметил, мы не знаем, что происходило в эмоциональной жизни низших слоев средневекового общества. Бывало, женщина из высших слоев заводила любовника ниже её по статусу – например, поэта, воспевавшего её красоту и очарование. Но мне бы не хотелось рассматривать куртуазную любовь в этих рамках. Она занимает большой период в истории Европы и Ближнего Востока. Мужчины, правители, князья, воины уходили завоёвывать другие страны. Пока они ходили в крестовые походы, их жены оставались дома править страной. Такие женщины, как Элеанора Аквитанская и некоторые другие, приобретали большое влияние в своих небольших княжествах или королевствах. И, безусловно, это увеличивало их привлекательность, которую превозносили писавшие для этих правительниц странствующие поэты, претендуя при этом на их любовь.

Дело усложняется ещё и тем, что куртуазная любовь сильно различалась на юге и на севере. На юге Франции поэтам не полагалось вступать в связь с королевой или княгиней. Неизвестно, как обстояло дело в реальности, но на посторонний взгляд они были просто артистами, сочиняющими любовную поэзию для монарха и о нём. Это касалось трубадуров. К ним относится понятие "*fin' amors*", что значит «чистая любовь». А вот у труверов на севере была другая традиция, в которой также присутствовала преступная плотская любовь и секс.

Следовательно, природа куртуазности понималась очень по-разному. Нет никакого единого представления о куртуазной любви. Я всегда стараюсь проводить различия, чтобы заметить разнообразие во всех этих глупых упрощённых идеях, которые закрадываются в учебники. Реальность обычно гораздо сложнее. Особенно если речь идёт о любви, разнообразные потоки и ручейки ежесекундно переплетаются, независимо от предвзятых определений.

В главе о куртуазной любви я анализирую несколько аспектов, отличающих её от всех предшествующих типов. То, что я скажу о куртуазной любви вообще, что в равной степени касается её разнообразных вариаций

ций. Во-первых, это тенденция облагораживать отношения между мужчиной и женщиной величиим в куда большей степени, чем это делалось во времена, когда брак был просто инструментом, предназначенным для создания семей в политических и финансовых целях или для следования освященному церковью способу регулирования размножения. В куртуазной любви именно пылкая связь, соединяющая подходящих мужчину и женщину, облагораживает и возносит обоих. Это может происходить вне брака, но и супруги не обязательно лишаются возможности испытывать друг к другу куртуазную любовь. Не обязательно быть именно любовниками, а не супругами, как писали де Ружмон и К.С. Льюис, чтобы испытывать такую любовь. Куртуазная любовь и моногамный брак не исключают друг друга. В принципе их можно разделить, но они также могут сосуществовать так или иначе.

Хотя иногда женщины главенствовали в отношениях и лучше знали, каким должен быть любовник, средневековые романы часто повествуют о другой ситуации. Хорошим примером служит история XIV века об Окассене и Николетте. В ней Окассен – юноша, аристократ – влюбляется в невольницу своего отца по имени Николетта. Родители Окассена потрясены, когда он говорит, что хочет жениться на ней. «Как так жениться? Можешь делать с ней что хочешь, но женись на той, что будет соответствовать тебе по статусу». Окассен не может этого вынести, он убегает вместе с девушкой, и они вступают в связь. Они живут как супруги и переносят невзгоды, которые укрепляют их отношения. Их разлучает мусульманское пленение. Окассен долго не видит Николетту и за это время проходит множество испытаний. Наконец он попадает в плен к мусульманскому князю, чьей женой оказывается Николетта. Она узнаёт Окассена, которого любит по-прежнему. Они сговариваются и в конце концов удачно убегают от князя. Пара возвращается в Бургундию, где зародилась их любовь. Родители Окассена умерли, и он становится правителем. Он наследует свои законные богатства и титул и живёт с Николеттой долго и счастливо.

Это типичный средневековый роман, по многим пунктам соответствующий схеме куртуазной любви. Он особенно интересен потому, что самый героический персонаж или, скорее, один из двух героев – это женщина, причём пленница! Точной аналогии не найти в древнегреческих текстах. Зачатки чего-то подобного есть в эллинистический период, но средневековое сказание представляет часть иного и гораздо более широкого взгляда, который распространяется по всей Европе в Средние века и наконец переходит в западный романтизм.

Но прежде, в XVII веке, на этот взгляд оказывают воздействие пуританизм и рационализм, и, благодаря им, пересматривается оценка того, что считать романтической любовью (но не любовью эпохи романтизма). Они лишь отчасти наследуют идеям, характерным для куртуазного периода. Хотя пуритане и не были пуританами в нынешнем смысле

слова, они хотели сформировать в рамках религии разумное отношение к эмоциональным и сексуальным явлениям в жизни человека, которое соответствовало бы их протестантским верованиям. Их верования, в свою очередь, обнаруживают влияние Лютера, чьи взгляды были враждебны гуманизму, присущему куртуазной любви. В случае же с рационалистами, многие из них в первую очередь подвергали сомнению любовь как благо. Они считали, что люди должны посвятить себя чистоте и верности мыслей, вместо того чтобы поддаваться эмоциональному возбуждению, которое неизбежно ослабляет силу разума.

Шекспир появляется на этой сцене после Лютера и, будучи осведомлён о большей части этих встречных потоков, организывает их на сцене с помощью своей блестящей драматической диалектики. После Шекспира некоторые теоретики будут придерживаться его точки зрения, не рассматривая его при этом в качестве источника своей философии. Дальнейшее развитие в основном уходит от куртуазности, хотя и позволяет её пережиткам проявиться в более подходящей для позднего европейского общества версии. В XIX веке под влиянием французской революции, чьи идеи равенства, братства и свободы поощряли людей любить кого угодно без оглядки на родителей, пришёл романтизм. Он сплёл различные нити идей и попытался создать идеологию, в соответствии с которой люди, особенно юноши и девушки, могли бы достичь такого состояния эмоционального бытия, которое соединило бы предшествующие взгляды, уже рассмотренные нами в истории идей.

В этом контексте значительно изменилась роль женщин. Равноправие женщин, столь важное сегодня, – это осуществление того, во что верили романтики в начале XIX века. После Французской революции женщины кое в чём получили свободу наравне с мужчинами. На протяжении XVIII века сексуальные отношения в Европе были очень свободными, причём обычно у мужчин, хотя и женщины также могли выбирать кого хотели. У них было больше сексуальной свободы, чем во времена, когда церковь была в полной силе. В XIX веке женщины боролись за полную свободу. Императрица Жозефина, как и другие известные женщины, не видела причин, почему бы ей не заводить многочисленных любовников наравне с мужчинами. В более недавние времена женщины провозгласили, что у них есть другие способности и им не нужна романтическая любовь, чтобы достичь своих личных целей, или, по крайней мере, нужна не в такой степени, как считалось прежде. А если они испытывали романтическую любовь, то как свободные и независимые личности, а не как люди, которым любовь необходима для обретения свободы.

И в то же время в этом тоже воплощается первоначальная концепция любви эпохи романтизма. Ей суждено было осуществиться лишь теперь, через уравнение женщин в правах. В современном мире женщины показывают, что в большинстве сфер, где преуспевают мужчи-

ны, женщины способны не только преуспеть, но и зачастую превзойти мужчин. В результате женщинам не нужно прибегать к романтической любви как способу удовлетворения доминирующих мужчин. В таком случае, по крайней мере теоретически, у женщин при желании появляется больше возможностей насладиться романтической любовью и одновременно больше свободы от необходимости любить, чтобы доказать собственную значимость. Таким образом, осуществляются обе схемы романтизма. Женщины могут вступать в романтические отношения так же свободно, как мужчины, а могут обойтись без них, так как им не нужно узаконивать своё существование, как не нужно вообще подчиняться желанию мужчин иметь любовниц, когда им вздумается. Мне кажется, теперь, после того как два столетия назад революция романтизма разрушила распространённую в мире модель взаимоотношений и эмоций, наступила очень интересная эпоха. Будущее меня не пугает, если, правда, не считать страх перед необходимостью пережить его сотворение!

Виды романтической любви

Жан-Жак Руссо – важный автор в отношении одного из видов романтической любви, который я называю романтическим пуританизмом. Хотя Руссо был, по большому счёту, пуританином, он прославлял чувства и отстаивал целый ряд достаточно сентиментальных идей о любви. Такой взгляд характеризует важную сторону романтизма. Согласно ему, можно любить по-настоящему, даже не вступая в сексуальные отношения или в брак с предметом любви, а просто живя в туманной мечте о единении, типичной для ранней стадии становления личности. Многие юноши и девушки переживают нечто подобное, и большинство из них его перерастает. С точки зрения романтизма Руссо, чтобы наполнить жизнь смыслом, достаточно благих чувств. И если они чисто пуританские, то могут ни к чему не привести. Руссо был великим пророком такого подхода, хотя сам жил иначе, так как он не посвятил всю жизнь одному лишь выражению чувств. Но были ещё и другие типы романтизма.

Здесь мы снова сталкиваемся с ценностью плюрализма, который предупреждает, что следует ожидать разнообразия, не забывая при этом о неповторимых исторических обстоятельствах, в которых это разнообразие возникает. Если сравнивать Руссо со Стендалем, обнаружатся два разных романтизма. Хотя любовь, как реалистично показывает Стендаль в своих романах, всегда обманчива, он также утверждает, что человек не может быть счастлив, если не поддастся иллюзиям, которые она рождает. В его время нечто подобное говорили и другие писатели, но их идеи я изучил не так досконально, как хотел бы. Один из них – Альфред де Мюссе, поэт и драматург, в середине XIX века прошедший путь от мягкого романтизма к романтическому пессимизму, комбинируя в сво-

их произведениях и тот, и другой. Хорошо понимая, какие горести таит романтическая любовь, он также знал, насколько она может быть захватывающей и опьяняющей. Он пытается найти гармонию между двумя альтернативами, но, как правило, в конце концов впадает в отчаяние.

В целом взгляды Мюссе отличны от взглядов Руссо и Стендаля. В XX веке идеи, подобные взглядам Мюссе, приведут к негативизму Пруста, который тем не менее чуток к удивительной эстетике романтической любви, проистекающей из необычайно плодотворного использования воображения. И всё же Пруст считает, что романтическая любовь в любом случае обречена, так как она основана на иллюзии. Пруст поистине принимает и ценит – и, я думаю, по-настоящему понимает – только одну любовь, любовь к искусству. У него в некотором смысле романтический взгляд на искусство. Несмотря на эту ограниченность, Пруст, возможно, величайший философ-романист в истории, главным образом потому, что он так восприимчив к противоположным ценностям в человеческой борьбе за любовь и так упорно старается говорить о них честно.

Как я уже сказал, идея слияния с другим человеком выходит в романтизме на передний план. Это его важнейший компонент. Теория романтизма также обращается к платонизму, неоплатонизму, иногда к учению Аристотеля, а также к пантеизму (который многие учёные считают исключительно явлением эпохи романтизма). Главная идея заключается в том, что страстная любовь священна сама по себе, а значит, служит оправданием сильных переживаний, или же в том, что романтическая любовь – это не только страстная любовь к другому человеку, но и зачастую обожествленная версия того, что Шопенгауэр называет человеколюбием. Последнее – не то же самое, что страсть.

Для Шопенгауэра, пессимиста и наиболее яркого представителя романтического пессимизма, чувственная страсть – это всегда приспособление для создания иллюзий, выдуманное природой для заманивания людей в брак и, следовательно, коитус ради продолжения рода. Для мужчин и женщин, полностью отдавшихся любви, нет в жизни ничего прекраснее страсти, и они уверены, что она приведёт к счастью. В действительности, как считает Шопенгауэр, это хитрый самообман, придуманный природой, чтобы заставить людей размножаться. Эту идею в конце XIX века подхватил Толстой и многие другие писатели, а в начале XX века – Фрейд. Они считали, что страсть делает нашу жизнь деятельной и яркой, по крайней мере, выносимой, но всегда существенно искажает её эмоциональным обманом.

Сегодня, когда люди считают единственно возможной романтическую любовь, они склонны думать, что страстной привязанности достаточно, чтобы придать ценность жизни. Это совершенно романтическая идея. Её нет в средневековой идее куртуазной любви. В куртуазной любви секс допустим, и даже страстный (Тристан и Изольда – это история

об измене). Трубадуры должны были его избегать или, по крайней мере, делать вид, что избегают, а вот труверы и другие представители куртуазности не замалчивали того, что в их любви есть место и плотскому наслаждению. В то же время средневековые авторы редко утверждают, что всепоглощающее чувство сексуальной страсти может освобождать от обычных моральных обязательств. А в эпоху романтизма именно это и имелось в виду. Либидинальная, эротическая страсть предстаёт как прекрасное самозабвение и полная самоотдача, лежащая в основе истинно романтического союза мужчины и женщины, как и в основе вообще любой любви; она единственное, что привносит смысл и благо в жизнь.

Статуя Бернини «Экстаз святой Терезы» изображает её с закатившимися глазами, почти или, возможно, совсем без сознания, исполненной страстной любовью к Богу. Так церковь хотела показать религиозную любовь – как страстное и абсолютное отдание себя божественному. Если взять это произведение само по себе, вне общественного контекста – скажем, если вы марсианин, который прилетел и смотрит на статую, – то можно подумать, что это что-то из «Плейбоя». (Хотя вообще-то в «Плейбое» нет места страсти. В нём есть соблазнительность. Обнажённые женщины обычно изображены не в момент выхода страсти, а скорее в состоянии чувственного удовольствия и наслаждения, призванного вызвать страсть у мужчины.) Представление романтизма о любви, предполагающее воспевание высшей страсти, полностью сосредоточено на захватывающем квазирелигиозном эмоциональном чувстве, которое мужчины и женщины могут получить от любви, особенно чувственной. Такой взгляд на межличностные возможности преобладает на протяжении всей истории романтизма.

То же отношение лежит в основе принятия самых разнообразных объектов любви, характерного для наших предпочтений сегодня, особенно в последнее время. Так называемая сексуальная революция 1960-х и 1970-х годов была основана на вере в то, что неважно, что тебя заводит, что по-настоящему возбуждает – всё одинаково хорошо. Это адаптация или, скорее, модификация веры романтизма в то, что страсть сама по себе и в самой себе даёт самое существенное, самое желанное благо в жизни. А раз так, какая разница, где и как вы найдёте нужный возбудитель? Из этой точки зрения вытекает и дозволенность, и невозможная в прошлом приемлемость гомосексуального поведения. Веками в западном мире царила гомофобия, любые подобные наклонности осуждались как порочные, нездоровые, упадочные и даже преступные. Фрейд называет гомосексуальность «задержкой развития». Но если страсть определяет благо и смысл жизни, а вы испытываете страсть к человеку того же пола, какая разница, какого он пола? Страсть важнее всего.

Таким образом, существует важная связь между равноправием гомосексуалистов и ростом романтизма в различных обстоятельствах, обусловленных разными состояниями общества. Эти обстоятельства,

разумеется, всегда важны. Наши представления о чувствах и любви – это не просто умозрительные представления, но и функция социальных, экономических и прочих внешних обстоятельств. Если не забывать об этом, то становится ясно, что нынешний шум по поводу однополых браков уходит корнями в романтический переворот, случившийся много лет назад. Излишне говорить, что его последствий никто не мог предвидеть.

Отождествление любви и страсти

Вдобавок к уже перечисленным примерам, в романтизме были и другие точки зрения на любовь. Отождествление любви и страсти варьировалось от страны к стране, оставаясь центральной темой. Возможно, это отождествление и не было чем-то типично американским, но в Соединённых Штатах в XX веке оно преобладало. В Англии и Западной Европе, и уж точно в Восточной Европе и Азии, господствовали несколько другие взгляды. Как бы то ни было, прославление страсти везде остается краеугольным камнем любого романтизма, независимо от его разновидностей.

При этом я хотел бы подчеркнуть, что одни лишь идеи никогда не рождают чувства. А сами по себе чувства никогда не сводятся к идеям, потому что они должны быть освоены как умственно, так и эмоционально. Эти две стороны человеческой природы всегда взаимодействуют, и зачастую их пересечение так тонко, что мы не можем сказать, что именно преобладает. Некоторые люди и общества считают страсть душевной болезнью. Психически больные могут испытывать страсть к вещам, которые психотерапевтам и обычным людям кажутся вредными. Что касается здоровых, но по какой-то причине неудовлетворенных людей, то их жизнь может вдруг заискриться, когда они переживают всплеск страсти (типичный голливудский сценарий). Иногда хочется сказать, что жизнь до и после ненормальна: ничто не пробуждает личность так, как страсть, пробуждающая, но удовлетворяющая лишь на мгновение.

В этом отношении люди очень различаются. Некоторым не нужно много страсти. Некоторым нужно много. Большинство из нас испытывают её только в определённый период жизни. Примечательно, что во многих браках, в том числе счастливых, супруги перерастают страсть и всё же способны развить любовь, которая возникает в результате совместного прохождения этапа страсти. Вспомним, что в течение жизни происходит целый ряд физиологических изменений. Например, скачки гормонального уровня, физический износ, а если не износ, то изменение возможностей; меняется интеллектуальное развитие, происходит умственный рост или, наоборот, упадок; и, конечно, нельзя забывать о повседневном ходе событий, неотъемлемых от самих супружеских отношений.

Все мы, самостоятельные мужчины и женщины, совершенно по-разному подходим к жизни и, наблюдая за окружающими, можем чему-то научиться. Мы даже можем понять, как усовершенствовать наши любовные отношения. Людям это часто не удаётся, и они страдают оттого, что не знают, чего на самом деле хотят. Такое знание могло бы повлиять на природу их чувств, характер их нужд относительно других людей и на тип их отношений, в которых может и не быть страсти. У всех есть способность дружить, причём по той или иной причине эта дружба может не привести к страсти, но тем не менее быть самой дорогой частью жизни.

То же касается искусства или профессии, участия человека в общественных процессах, его миссии как политического деятеля или лидера. Мужчинам и женщинам не обязательно нужна эмоциональность и уж точно не нужна романтическая страсть, чтобы эти стороны нашего существования, эти примеры любви, так или иначе процветали. Если вы – пылкий учитель, это ещё не значит, что вы соблазняете учеников. Это значит, что вам нравится то, что вы делаете, когда помогаете ученикам так, как это делает учитель. Это имеет некоторое, но очень незначительное отношение к сексуальной связи. Фрейд сказал бы, что тут дело в сублимации и что она в конце концов приведёт к либидинальной фрустрации или подавлению. Но почему? Человеческая природа очень сложна и разнообразна. В ней задействовано множество социальных и биологических векторов. Я не уверен, что Фрейд понимал хотя бы биологическую составляющую, и я не вижу причины сводить все проявления любви либо к страсти, либо к некой романтизированной склонности, напоминающей любовь.

Если говорить о популярных средствах массовой информации, то в них мы действительно наблюдаем множество свидетельств тоски по романтизму. Я не социолог и не буду делать вид, что знаю, в каком направлении двинется то или иное общество или каким будет будущее в целом по сравнению с прошлыми событиями. У меня нет на этот счёт авторитетного мнения. Но я могу представить себе, какими будут аффективные модели жизни многих людей. Я часто думаю о непосредственном опыте творческих людей. Художник может влюбиться в своё искусство. Он движим любовью к себе, вполне приемлемой в его профессии. Он так сильно любит себя, что учится выражать себя через технику, через привязанность и чувство к инструментам своего дела, к материалам своего мастерства, к ограничивающим параметрам своего искусства.

Этим типом любви объясняется тот факт, что музыкант живёт среди звуков. Музыкант слышит их постоянно. Художник постоянно живёт с эмоциональностью своих красок. Я художник слова, и большая часть моей деятельной жизни проходит в письме. Я постоянно обращаю внимание на почему-либо значимые для меня фразы и целые предложения. Иногда сами идеи, которые приходят мне в голову, не так интересны, но они созвучны другим идеям, а самое главное – это формирование и

перетасовка концепций с помощью потока слов, которые циркулируют в моем сознании. Я часто гуляю в одиночестве. Глядя по сторонам, я слышу и беззвучно произношу слова, некоторые из них выливаются в мою прозу. И любовь такого типа нельзя свести к какой бы то ни было страстной или романтической любви. Пусть даже в основе переживаний художника лежат нарциссизм, подавление, идеализация и сублимация – хотя сублимация происходит редко, – они направлены на эстетическое воплощение того, чем этот художник стал.

В то же время любовная жизнь художника также состоит из других эмоциональных выходов, среди которых могут быть и романтические интересы, которые может иметь, или хотел бы иметь, или когда-то имел кто-то другой. Этот трюизм говорит о множественности нашего бытия. Нет какой-то одной вещи, которая полностью определяла бы нас, так что мы неизбежно испытываем любовь разных типов. Задача философа состоит в том, чтобы помочь нам прояснить свои мысли об этом разнообразии и насколько возможно организовать их с помощью разума, но только так, чтобы это не противоречило эмпирическим и природным фактам.

В ходе обсуждения идей романтизма я обращаюсь к мыслителям, которых называю «антиромантическими романтиками». Больше всего внимания я уделяю троице: Кьеркегору, Ницше и Толстому. Их идеи восходят к концептуальным конструкциям романтизма XIX века. Они встают против этих конструкций и пытаются заменить общепринятые представления романтизма о любви. Но в процессе они создают романтизм нового типа, без которого сегодня не понять суть любви. В случае Ницше, этот новый тип формулируется в его идеях сверхчеловека и вечного возвращения, часто появляющихся и в теории романтизма. А ещё в представлении об *amor fati* – любви ко всему, любви ко всей реальности. Можно подумать, люди способны на такую любовь! Как будто мы знаем, что такое «вся реальность»!

В «Чувстве и воображении», моей последней книге, на которую я уже ссылался, я систематически оспариваю идею, будто мы способны понять значение вопроса о том, что такое реальность в своей полноте. Сам по себе этот вопрос свидетельствует, как мне кажется, о квазирелигиозных воззрениях некоторых учёных (теперь их всё меньше) на основную способность науки и регулируемой умственной деятельности вообще. Не что иное, как вера, пытается собрать в единое целое все кусочки пазла природы. Убеждения веры подразумевают, что в какой-то момент в будущем мы найдём решение.

Мне же кажется куда более верным анекдот из фильма «Автостопом по галактике». Компьютер говорит, что смысл жизни – 42, и когда обескураженные исследователи приходят в ярость после того, как поколения людей ожидали от него решающего ответа, компьютер отвечает: «Возможно, всё дело в том, что вы просто не знаете, что означает ваш

вопрос». Я согласен. Мы действительно не знаем, и по этой же причине выводимое отсюда же предположение романтизма, будто можно заменить любовью что угодно, основано на таком же недопонимании. Как нам знать, что такое вообще это «что угодно»? А если бы мы и знали, разве возможна страстная любовь, которая преодолела бы очевидную ограниченность нашей способности любить что угодно?

Хотя эта сторона взглядов Ницше относится к типичному романтизму, в её основе лежит отрицание привычного романтизма и нежелание возвращаться к доромантическому этапу, то есть к философии Канта. У Канта есть теория супружеской любви, где он говорит о взаимном подчинении личности другому человеку. Ницше говорит: если двое постоянно подчиняются друг другу, что остаётся между ними? Может быть, ничего? По-моему, это очень пронцательная критика предромантических идей о любви, которые представляет Кант. Но Ницше в конце концов приходит к постромантизму ещё более романтическому, чем романтизм, потому что его романтизм пытается распространиться на всё, причём в рамках мистической и неясной космической любви, которую человеку очень трудно понять, не говоря уже о том, чтобы достичь. Я ещё вернусь к этому позднее.

Роль творчества

Возможны и другие изыскания, относящиеся к нашей теме, которые могут увести нас немного дальше. Упомяну одно, очень сейчас важное для меня. Оно вытекает из моего понимания, что в попытках разобраться в довольно бесформенной концепции любви-дара, стоивших мне немало труда, я постоянно обнаруживаю, как много ещё остаётся сделать. Каждый раз, когда я возвращаюсь к этому вопросу, мой образ мыслей кажется немного иным. Наверное, этого следовало ожидать, так как я и сам постоянно меняюсь. Как бы то ни было, я чувствую связность в том, что пишу, и предполагаю, что последовательные исследования могут в результате обогатить столь важную непрерывность, которую я научился искать во всем благодаря чтению Дьюи.

Сейчас я начинаю понимать, что любовь-дар следует трактовать как всепроникающий творящий образы компонент человеческой способности к творчеству. Я немного касался этого в «Гармонии природы и духа» и снова вернулся в «Чувстве и воображении». Но мне не удалось изобразить сложность и масштаб роли воображения в творчестве. Я не установил, насколько важна концепция творчества для собранного мной набора различий, способствующих пониманию природы любви, вероятно, потому, что я представил их как последовательность взглядов и не пожелал создать единую грандиозную теорию. Подобное решение,

напоминающее ответ компьютера (42) в фильме «Автостопом по галактике», было бы бессмысленно. Как тогда, так и теперь я не вижу смысла в универсальных ответах.

И всё же можно смотреть и шире, что я и прослеживал или намечал подспудно, но не хотел артикулировать открыто. Речь идёт о роли творчества в нашем опыте. Это центральная проблема для традиционной мысли о любви, будь то любовь к Богу, христианская агапэ или любая другая форма любви среди людей. Стремление к творчеству проявляется в желании любить Бога – как его понимает любая из основных западных религий, да и не только западных, например дзен-буддизм и индуизм, – а также в большинстве наших теорий о том, какая межличностная любовь доступна обычным людям. Работать с идеей творчества, как мне представляется, очень трудно, но только при плюралистическом отношении и упорстве в борьбе с такими концепциями можно действительно прояснить, какова природа любви и стремления к любви. Секса, безусловно, связанного с этой проблематикой, я касаюсь в схожей, пусть и несовершенной форме в расширенной версии моей книги «Секс: философский букварь», а также в «Исследования любви и секса».

В этих книгах я представляю анализ, который не приходил мне на ум при написании ранних работ. Я пытаюсь показать, что плюрализм предоставляет новые способы исследовать как творчество, так и любовь. Особенно это касается моего разграничения сострадания и секса или, лучше сказать, сострадания и страстного секса. Тут важно различать страстное и чувственное, как я это делаю в книге «Цели человеческой сексуальности». Под чувственным я подразумеваю то, как мы наслаждаемся своим телом, зачастую через контакт с другим человеком. Кроме того, мы удовлетворяем себя с помощью чувств и ради чувственного. Второе измерение – страстное, я описываю как мощную нужду, сильное чувство, пыл или томление, обычно, но не обязательно, по другому человеку. Чувствительное холодно, страстное – нет, но и то, и другое – стороны сексуальности, непохожие, но часто совместимые друг с другом. Когда я дошёл до «Поиска любви», я попытался применить подобные рассуждения к другим типам любви. А затем в «Исследованиях секса и любви» я вернулся к первоначальному делению и расширил его в рамках различения страсти и сострадания.

Последнее я изображаю как тип любви, так как если вы чувствуете сострадание к другому человеку, то вы наделяете его ценностью, и всё это составляет совершенно особые отношения, требующие отдельного места в спектре любовных привязанностей. Изучая этот сегмент, я разделяю сострадание и жалость. Это разделение восходит к Канту, но я рассмотрел его по-новому и обратил внимание на заблуждение Руссо, который говорил о сострадании и жалости так, будто это одно и то же. Я считаю сострадание отличным не только от жалости, но и от страсти, сексуальной или любой другой, и от чувственности, которая сводится к наслаждению собственными органами чувств.

Сострадание переплетается с родственными типами любви, например любовью к человечеству. В некоторых традициях, особенно в буддизме, божественное понимается именно в терминах сострадания. Христианство в этом отношении сложнее, так как Бог действует из сострадания, когда посылает на землю самого себя в Сыне. Сын прощает из сострадания, но только с греховностью выявляется суть его дара. В буддизме сострадание вытекает просто из существования страданий, и мне это кажется значительнее, чем любая концепция греха. Моё видение сострадания, таким образом, ближе к буддистскому.

В то же время я пытаюсь включить в мою концепцию всё, совмещая плюралистический взгляд на любовь, сострадание и секс и различая страсть и чувственность. Это различие также применимо к межличностным связям, которые либо страстны, либо чувственны, или, скорее, и то, и другое сразу, так как большинство людей хотят испытать и то, и другое. Во всех этих вопросах нет единого решения, которое следовало бы искать или вообще надеяться найти. Более того, всё усложняется тем, что, для меня по крайней мере, все приемлемые различия – например, между страстным и чувственным – служат не только определению любви, но и выяснению природы творчества.

Именно с этой целью я написал книгу «Моцарт и Бетховен и концепция любви в их операх». Здесь я рассматриваю гениальные мысли Бетховена о природе страсти, включая религиозные полутона, касающиеся отдания Богом самого себя через страсти Христа, и также включая плотскую страсть, олицетворённую браком и всем, что ему предшествует. У Моцарта есть кое-что касательно разнообразных страстей, но его больше занимали разветвления чувственного.

Значит, есть разные типы творчества, разные способы чувствования, которые становятся понятны благодаря изначальному различению чувственного и страстного. Надо, однако, заметить, что тут мы говорим о различиях между эстетическими элементами, действующими в произведении искусства, в данном случае в музыкальных шедеврах, а не о различиях между мужчиной и женщиной или ещё каких-то парных индивидуальностях. Уже из-за этого анализ становится гораздо запутаннее и, следовательно, недоступнее для понимания.

Будущее философии любви. Объединение естественных и гуманитарных наук

При обращении к проблеме природы творчества мне ещё нужно было найти – и я до сих пор ищу – способы продолжать движение по этим интеллектуальным ветвям, этим рискованным подъёмам по дереву человеческого духа, с одной ветви на другую. В некотором смысле этим я и

занимался в данной книге, где давал столь ограниченные описания. Для меня все они исходят от смутного целого, которое я представляю собой как личность, выражающая себя с тем трепетом к собственной жизни и прошлому, на какой меня хватает. И всё же, как говорил Ренуар о своих многочисленных фильмах, важен не столько результат, сколько способность художника продолжать заниматься своим делом.

Надеюсь, я сохранию эту способность. Если получится, я бы хотел, чтобы мои размышления о любви взяли что-то от современных исследований в области нейробиологии и когнитивистики. Как и другие великие американские университеты, Массачусетский технологический институт поддерживает междисциплинарные исследования между специалистами по естественным наукам и гуманитариями, в особенности философами. Но до сих пор в этой области достигнуто немного.

В Массачусетском технологическом институте есть довольно большой факультет гуманитарных наук, к которому весь институт относится с уважением. Тем не менее совместные исследования гуманитариев и естественников довольно плохо скоординированы. Проблема усложняется, если различать, подобно мне, гуманитарные науки и гуманность. Можно заниматься гуманитарными науками и быть превосходным учёным в какой-то области, но не быть при этом гуманистом. Эпиграфика в древнегреческой лингвистике относится к гуманитарной области, но в ней нет ничего особенно гуманного, не больше, чем, например, в геологии. Обе науки занимают должное место в университете, но, чтобы достичь гармонии, столь необходимой сейчас, учитывая, насколько продвинулись биологические и когнитивные исследования, следовало бы более открыто и более глубоко интегрировать гуманитарное знание, совмещённое с исследованиями аффективного. А они по большей части связаны с гуманистическими аспектами гуманитарных наук.

Поэзия, музыка, литература, театр, кино и другие визуальные искусства – все они глубоко связаны с человеческими ценностями, эмоциями, чувствами, короче говоря, с аффективным во всём его разнообразии, далеко выходящим за рамки очевидного предмета наук. Естественные науки могут быть полезны гуманитарным, но последние очень страдают, когда сводятся к методологиям естественных наук, независимо от того, откуда берутся деньги. Сегодня они зачастую приходят из научных предприятий. Сейчас в нашем обществе не так много денег на чисто гуманитарные исследования. В течение тридцати лет блестящие умы с большим успехом совершали прорывы в области когнитивных и смежных исследований. Но теперь они приблизились к тупику, в котором необходимо прибегнуть к другой тактике.

В предшествующие века значение гуманитарного измерения принимали как должное. Тогда была создана превосходная любовная поэзия и великие произведения искусства, основанные на любви и гениальном поиске любви человечеством. Моцарт, Стендаль, Верди, Пруст и многие

другие великие творцы отнюдь не были учёными. Теперь у нас много великих учёных, но мы сильно отстаём в отношении искусств и гуманитарных наук, потому что не обращаемся к ним в должной мере, особенно к тем областям гуманитарной мысли, которые были бы косвенно или напрямую полезны естественным наукам.

Когда я впервые вступил на путь, который стал сутью моей интеллектуальной жизни, не существовало профессии, к которой я мог бы себя отнести, потому что как философами, так и учёными очень мало делалось для понимания природы любви и секса, или смысла жизни, или хотя бы эстетики кино. Несмотря на свою образованность, люди, которые советовали мне избегать таких скользких тем, были убеждены, что исследование этих областей подозрительно и уж точно бессмысленно. Но я понял, что независимо от того, что я и другие успели сделать с тех пор, нужда в такой работе только возросла со временем.

Суть не в том, чтобы перенести нас в ментальность Средневековья или XVII века, и не в том, чтобы лучше оценить достижения, например, св. Хуана де ла Крус, поэта с удивительным воображением и восприимчивостью, или же достижения XIX века, где были такие гениальные драматурги, как Мюссе, и такие бесценные романисты, как Стендаль и Джейн Остен. Проблема современна, значит, и результат должен быть современным. Но в рамках нынешней действительности обязательно должны возникнуть новые формы искусства и новые ветви науки, которые смогут разобраться со множеством нерешённых проблем, возложенных на обременённые плечи когнитивистики и исследований мозга и клеток. Эти новые направления не согнулись под своими ношами, но, возможно, их методы не так применимы к проблемам повседневной жизни, как если бы они поддерживали постоянное сотрудничество с гуманистическим подходом гуманитарных наук. Этого пока не происходит в Массачусетском технологическом институте, и не думаю, чтобы происходило где-то ещё. Но семена уже посеяны.

Список литературы

1. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки. СПб.: Азбука, 2014. 224 с.
2. Платон. Избранные диалоги. М.: Эксмо, 2007. 768 с.
3. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ, 2014. 928 с.
4. Nygren A. Agape and Eros. Philadelphia: Westminster Press, 1953. 764 p.
5. Singer I. Explorations in Love and Sex. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. 224 p.
6. Singer I. Feeling and Imagination: The Vibrant Flux of Our Existence. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. 233 p.
7. Singer I. Meaning in Life: The Creation of Value. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993. 158 p.

8. *Singer I.* Mozart and Beethoven: The Concept of Love in Their Operas. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977. 155 p.
9. *Singer I.* Philosophy of Love: A Partial Summing-Up. Cambridge, MA, 2009. 144 p.
10. *Singer I.* Sex: A Philosophical Primer. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2001. 152 p.
11. *Singer I.* The Goals of Human Sexuality. New York: Norton, 1973. 219 p.
12. *Singer I.* The Nature and Pursuit of Love: The Philosophy of Irving Singer. Amherst: Prometheus Books, 1995. 364 p.
13. *Singer I.* The Nature of Love. Volume 1: Plato to Luther. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 396 p.
14. *Singer I.* The Nature of Love. Volume 2: Courtly and Romantic. Chicago: University of Chicago Press, 1984. 343 p.
15. *Singer I.* The Nature of Love Volume 3: The Modern World. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 488 p.